

Этой весной известные львовские краеведы-гиды братья Иван и Петр Радковцы открыли новый экскурсионный маршрут «Эротика в львовской скульптуре». Он включает знакомство с памятниками архитектуры, легендами и курьезными историческими фактами, которыми так богат старинный город.

«Туристам мы объясняем, что в средневековом Львове уживались религиозный аскетизм и раскрепощенность, свойственная античному искусству, которое не чуралось изображения „греховных“ сцен, обнаженного человеческого тела, — уточняет Петр Радковец. — Но начинаем нашу экскурсию с романтической истории любви...»

Отправная точка маршрута — парк Ивана Франко, где росло легендарное «дерево любви».

— В 60-х годах XIX века во Львове жила племянница знаменитого французского живописца Клода Моне — писательница, красавица Ванда Моне, — рассказывает Иван Радковец. — Она познакомилась с львовским художником Артуром Гроттгером. Вспыхнула любовь. Но через два года молодой человек заболел туберкулезом и уехал лечиться во Францию. Перед отъездом подарил возлюбленной горшочек с саженцем дуба — символом вечной любви. А вскоре умер в Париже. Девушка потратила практически все свои сбережения, чтобы доставить тело любимого во Львов и похоронить на Лычаковском кладбище. С годами дереву стало тесно в горшочке, и его пересадили в парк, назвав «Дубом влюбленных». Много лет к нему приходили парочки.

Считалось, что если влюбленные одновременно прикоснутся к его стволу, то можно сохранить любовь. Уцелело ли дерево после Первой мировой войны, неизвестно. С тех пор в парке выросло много дубов, и говорят, что каждый из них тоже помогает влюбленным...

От парка рукой подать до исторического центра Львова. По дороге вы обязательно пройдете мимо «Гранд-отеля». На его месте некогда стоял дом, в котором в детские годы (с 1836 года) жил австрийский писатель Леопольд фон Захер-Мазох. Впрочем, большинству он известен не столько своими произведениями, сколько появившимся с его подачи термином «мазохизм». Родился будущий писатель в семье директора краевой полиции Галичины и дочери ректора Львовского университета. Мало кто знает, что отец будущего гения тоже оставил свой след в литературе. У него есть любопытный рассказ: некоего начальника полиции приглашает к себе домой известная в городе красавица, исповедующая свободные взгляды на отношения полов. Полицейстер появляется, его принимают в шикарном гостинице, раздевают и тут... входят двое крепких мужчин. Они связывают начальника и устраивают ему порку за то, что тот арестовывал знакомых дамы за их политические взгляды. После чего полицейстера вышвыривают на улицу. И он ничего не смог сделать! Ну не станешь же признаваться, где и при каких обстоятельствах пострадал. Суть рассказа в том, какие на Галичине политически сознательные «ночные бабочки».

Жрица любви в городе уважали, отмечают экскурсоводы. Львовская «мадам» (содержательница борделей) София Ганель, жившая в XVI веке, была известна тем, что заботилась о своих «девочках» даже после того, как они утрачивали свою красоту и молодость, — выдавала их замуж и давала хорошее приданое. Но когда умер ее муж, христианские священники отказались его отпевать. Тогда вдова передала появившимся во Львове иезуитам в качестве платы за индульгенцию землю под одним из своих борделей. Святые отцы землю взяли, а покойного (мужа страшной грешницы!) похоронили на самом почетном месте в одном из соборов. София после этого стала большой меценаткой. И даже построила церковь Святой Софии, которая действует по сей день.

Считались с подобными «мадам» и по другой причине. Состоятельные львовяне специально нанимали для своих подрастающих сыновей женщин легкого поведения, которые на дому проводили индивидуальные «занятия», чтобы подготовить отпрысков к семейной жизни. На улице Театральной, 10, находился довольно откровенный барельеф с изображением плотских утех греческих богов. А рядом располагался пансион благородных девиц, где девочек из богатых семей учили готовить, шить, играть на инструментах, петь и... обращаться с мужчинами. В простых семьях дело обстояло еще проще — девочки, достигнув возраста 12—14 лет, ходили на посиделки к взрослым женщинам, поверявшим им тайны продолжения рода. Так что в украинской традиции присутствовало половое воспитание...

Кстати, на улице Ивана Федорова стоит старый дом с несколькими барельефами по мотивам библейских сюжетов об Онане — втором сыне Иуды. После гибели своего старшего брата он, согласно традициям, обязан был взять в жены его вдову Фамарь,

дабы она смогла принести наследника, который считался бы первенцем старшего сына. Но Онан этого не хотел и изливал свое семя на землю. За что и заслужил смертную кару от Господа. Все эти эротические сюжеты расположились на обычном жилом доме. Правда, прежде на этом месте был лупанарий («лупа» в переводе с латыни — «волк»). Так в старину называли публичные заведения. Жрицам любви тогда запрещалось окликать клиентов, поэтому они стояли на пороге и, привлекая внимание посетителей, выли по-волчьи (это городскими властями не возбранялось). Отсюда пошло выражение: «Хочет, аж волком воет»...

Неподалеку от оперного театра находится современный памятник Ромео и Джульетте. Реальные прототипы шекспировских героев, судя по всему, жили... во Львове. Об этом писал еще в XVII веке знаменитый польский историк Бартоломей (Юзеф) Зиморович, а в 1845 году — исследователь Денис Зубрицкий.

Романтическая история произошла в конце XVI века в Краковском пригороде средневекового Львова. В те времена в городе действовали довольно жесткие ограничения по национальным и религиозным признакам. А вот в пригороде к подобным вещам относились терпимее. Особенно демократичным был Краковский район, где издавна, помимо украинцев, селились армяне, молдаване, итальянцы, евреи, татары. Тут трудились ремесленники, мастера, купцы, коими так славился Львов.

В этом живописном разноязычном пригороде жили рядом две купеческие семьи — итальянская и украинская. В итальянской подрастал мальчик, в украинской — девочка. К сожалению, точное имя подростка не известно, одни историки называли его Ромуальдо, другие — Романом. Зато сохранилась подлинная фамилия — Микеллини. А вот с украинской купеческой семьей получилось наоборот: известно, что девочку звали Пелагея, однако фамилия ее для истории не сохранилась. Повзрослев, молодые люди полюбили друг друга. Но юноша был католиком, а девушка — православной. И между некогда дружными семьями вспыхнула вражда.

Естественно, в такой ситуации влюбленным нечего было и мечтать о свадьбе. Видеться им запретили. В конце 1593 года родители Ромуальдо, пытаясь избавить его от сердечной тоски, направили сына (который к тому времени тоже стал купцом и торговал вином) с караваном в Венецию. Когда он вернулся, Пелагея была больна чумой. Монахи отнесли ее подальше от города и оставили умирать в саду. Тут и нашел свою возлюбленную юноша. Несмотря на мольбы семьи, Ромуальдо остался с Пелагеей,

пытаясь вылечить существующими на то время лекарствами, а затем облегчить последние дни ее жизни. Девушка умерла. Ромуальдо, ухаживая за больной, заразился и сам. Предчувствуя кончину, юноша успел заказать два одинаковых надгробия для себя и любимой. Они были украшены изображением обвитых лавровыми ветками двух сердец и надписью: «Тех, кого любовь на веки соединила, бессильна разъединить даже смерть». Страшное горе — смерть горячо любимых детей — примирило два семейства. Увы, слишком поздно. Единственное, что могли сделать родители, — это исполнить последнюю волю влюбленных и похоронить их вместе. Их погребли на границе двух львовских кладбищ — католического, рядом с костелом Святого Станислава, и православного при церкви Богоявления.

Об этой истории услышал Уильям Шекспир. Так и появилась пьеса «Чума на ваши оба дома», более известная как «Ромео и Джульетта». Время стерло надгробия влюбленных с лица земли. Известно лишь, что находились они на перекрестке нынешних улиц Шолом-Алейхема и Городокской...

fakty.ua